

Развитие градovedческой традиции И.М. Гревса в отечественной науке

Статья представляет собой серию литературных портретов главных, по мнению автора, отечественных градovedов, или урбанистов, из числа тех, кого уже нет среди нас, и кого у нас недостаточно знают как по отдельности, так, и в особенности, во взаимной связи.

Ключевые слова: градovedение, урбанистика, литературные портреты, муниципальная традиция, отечественная традиция

Юрий Вешнинский

кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Российского НИИ культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Министерства культуры Российской Федерации
(Институт Наследия, Москва)

Эта статья представляет собой текст ещё более доработанный, по сравнению с прочитанным 26 апреля 2011 года докладом на организованном Отделением краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, Союзом краеведов России и Московским краеведческим обществом научно-практическом семинаре "У истоков отечественного краеведения, городovedения, экскурсоведения. Наследие Ивана Михайловича Гревса (1860-1941)" в Историко-архивном институте (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), и с опубликованной в № 5 за 2011 год статьёй в журнале "Муниципальная власть" (1, с. 99-103). В августе 2012 года эта статья в сильно сокращённом виде была вывешена на сайте "Знание-Сила" (2). Следует, видимо, сразу оговориться, что это достаточно субъективное, авторское видение процесса, что представляется мне не только минусом, но и плюсом по сравнению с более "безлично-объективистской" манерой изложения материала, не преломляющейся через личность автора, факты его биографии, его симпатии, антипатии, вкусы и пристрастия.

В наследии И. М. Гревса (1860-1941) меня лично больше всего интересует его градovedческое наследие (о И. М. Гревсе как о краеведе здесь и без меня много сказали и скажут). Градovedческое наследие И. М. Гревса ничуть не менее значимо, чем его краеведческое наследие (ведь сам его уход только в краеведение был не вполне добровольным), и я, если не сейчас, то позже, попробую прочертить цепь его предшественников, соратников и продолжателей в этой области настолько, насколько хватит терпения у возможных читателей. Как уже справедливо отмечалось, его ученики по сравнению с другими несметны. Легче, наверное, назвать тех исследователей его времени, которые не были его учениками. Поистине, — к И. М. Гревсу, как в Рим, ведут все пути, и у каждого специалиста в социально-гуманитарной сфере, как я не раз в этом убеждался, — свой И. М. Гревс. Я, например, был поражён, прочитав в своё время, что среди его учеников были, в частности, такие разные по специальности и интересам люди, как религиозный философ, историк-медиевист и историк церкви, культуролог и поэт Л. П. Карсавин, автор трудов по культуре и даже технике итальянского Возрождения М. А. Гуковский, историк-востоковед, автор многих работ по городской культуре Ближнего Востока и Ирана, знаток древней и средневековой христианской Сирии Н. В. Пигулевская.

Давая заявку на участие в семинаре, я писал о том, что мне хотелось бы говорить, в первую очередь, об И. М. Гревсе как о градovedе, и о том, как его градovedческое наследие развивалось у нас в прошлом (в лице его соратников и учеников: Н. И. Кареева, А. К. Дживелегова, Н. П. Анциферова, П. А. Сорокина (о чём не все знают), П. П. Муратова и т. д.) и развивается у нас в настоящее время. При этом я собирался сказать о трудах Г. С. Кнабе, посвящённых как античным городам, так и арбатской цивилизации и "арбатскому мифу" (тогда Г. С. Кнабе был ещё жив), об исследованиях Г. З. Каганова и других ленинградских

урбанистов 1970-х годов, о своих урбанистических исследованиях и своей учебной программе "Социокультурные проблемы городов" (3), по которой я читал курс лекций в РГГУ в 1990-х годах, а, также, и о том, что сегодня, "в новом тысячелетии", возможно, столица отечественного градovedения, или урбанистики, снова, как и во времена И. М. Гревса, возвращается в Питер в лице "молодой поросли" живущих, или, хотя бы, защищавшихся в Питере градovedов (урбанистов): Ю. Ц. Тыхеевой, М. О. Михельсон, М. С. Уварова и Б. В. Маркова и т. д. Надо отметить, что и в других городах тоже идёт возрождение градovedческой, или урбанистической, мысли (Г. И. Черняева в Саратове, Е. Ю. Агеева в Нижнем Новгороде, Н. В. Дулина в Волгограде и т. д.) На мой взгляд, всё это, в большей, или меньшей степени, восходит к наследию И. М. Гревса.

Надо сказать, что я сам многое для себя открыл в процессе написания этого текста. Писать, как я не раз убеждался, полезно ещё и потому, что приходится и больше читать. Чем дольше я писал текст, тем огромнее вырастали в моих глазах фигуры И. М. Гревса, его соратников и коллег и его ближайших учеников. Начинаешь лучше понимать, чем был наш Серебряный век в науке. А по тому, что знаешь лучше, можешь судить о том, что знаешь хуже, или вообще не знаешь. Мне становилось всё очевиднее, что с И. М. Гревса начинается всё научное градovedение в России, да и ещё многое другое. В связи с этим, в противоположность с первоначальным планом, я хочу ограничиться изложением лишь части наиболее интересных с моей точки зрения фигур (упомянув и духовных предшественников И. М. Гревса) тех, кого уже нет среди нас и, что существенно, о ком у нас всё ещё мало знают и помнят по отдельности и, в особенности, — во взаимной связи.

Самым первым автором, писавшим на сравнительно-градovedческие темы на вполне научно-аналитическом уровне (в той форме, какая была в его время возможна) был В. Г. Белинский. Речь идёт о его статье "Петербург и Москва" в сборнике "Физиология Петербурга". Статья эта, на мой взгляд, совершенно гениальная и до сих пор не вполне оценённая. В русской художественной литературе есть интересные градovedческие мысли и наблюдения у многих писателей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. Д. Боборыкина и т. д.). И больше всего здесь интересен, конечно, Ф. М. Достоевский — главный русский писатель-урбанист, роман которого "Преступление и наказание" нередко называют самым городским романом в мировой литературе. Стоит, впрочем, отметить, что город в произведениях Ф. М. Достоевского, как правило, довольно непривлекателен. Это связано, несомненно, с длительным доминированием в русской культуре патриархально-аграрной традиции, побуждавшей её носителей идеализировать деревню или усадьбу и демонизировать город как "империю зла".

Но настоящая градovedческая наука в России начинается, на мой взгляд, именно с И. М. Гревса. Его мысли об итальянских

городах средних веков и эпохи Возрождения были чрезвычайно важны. Ведь итальянский урбанизм той эпохи (воспринявший античную урбанистическую традицию) был "моделью" для всей Европы Нового времени и для всей западной городской культуры (а теперь уже и для всей современной мировой городской культуры!). И. М. Гревс, — далее идут извлечения из статьи Б. С. Кагановича в сб. "Городская культура. Средневековые и начало Нового времени", М., Изд-во "НАУКА", Лен. отд., 1986 (4, с. 216-235) — говорил о "живых элементах наследия древнего мира", о том, что "существование большей части городов римского происхождения в Италии поддерживалось непрерывно" и считал, что "средневековый город — это колыбель существенных явлений новой культуры", коммунальную революцию XII-XIII вв. Гревс считал одним из великих событий всемирной истории и настаивал на том, что "подготовленное многими веками и многими причинами освобождение городов было революцией". Он писал, что "средневековый город — это колыбель существенных явлений новой культуры". Кстати, перевод книги М. Вебера "Город", вышел в 1923 г. под редакцией Н. И. Кареева и с предисловием И. М. Гревса. И. М. Гревс был, по словам П. П. Муратова, "представителем гуманистического течения в русской науке" и был одним из тех, кто возродил в российской культуре конца XIX века — начала XX века "чувство Италии".

Как уже отмечалось, из многочисленных курсов и семинаров, проведённых Гревсом в 1902-1923 гг. в Петербургском университете и в 1903-1919 гг. на Бестужевских курсах он читал курсы: "Социальная история Италии в конце средневековья и начале Возрождения с практическими занятиями по чтению и интерпретации источников по истории Флоренции в XIII и XIV вв."; "Начала новой культуры. Возрождение XII-XIV вв."; "История развития городской культуры Италии от упадка единства в Римском мире до так называемой эпохи Возрождения"; "История французской культуры позднего средневековья"; "Городская культура Италии в X-XIII вв. (Общество, учреждения, духовная жизнь)"; "История культуры в позднее средневековье (Рим, Венеция, Флоренция)". В эти же годы Гревс вёл семинарии: "Памятники раннего францисканства"; "Чтение и интерпретация источников по истории Флоренции"; "Практические занятия по истории освобождения городов в средние века"; "Развитие коммунальных учреждений в средневековом Кёльне"; "Документальная и монументальная история городов римской Галлии"; "Франциск Ассизский и раннее францисканство"; "Дино Кампанья и Флоренция во времена Данте".

Определение города, которое давал Гревс, подчёркивало многообразие его функций и сложилось, по-видимому, не без влияния трудов В. Зомбарта и М. Вебера. Гревс ставил задачу "полного исторического изучения города, во всех отношениях, как живого собирательного организма". Первым этапом такого изучения он считал исследование природных предпосылок возникновения городов. "История и география — родные сёстры в семье наук, — замечал он. — Без географии нет синтетически-образного знания земли, её стран и "краёв"; без истории пропадает перспектива эволюции жизни". Гревс часто и сочувственно цитировал труды выдающихся французских историков-географов П. Видаль де ла Блаша, Ж. Брюна, К. Валло. Возможно, что определённое влияние на него оказали экологические идеи В. И. Вернадского, которого он называл другом своей юности и в старости, приезжая в Москву, "с великим наслаждением" вслушивался в его рассказы. При этом М. С. Гревс оговаривал, что, быть может, многое (по дефектам своего естествоведческого образования) не понимал. То ли дело наши нынешние "научно-номенклатурные гении", которые, судя по их поведению, понимают решительно всё!

Работы Гревса во многом перекликаются с современным территориально-функциональным направлением в медиэвистической урбанистике, стоящим на грани исторического и географического изучения города, а также современной "географией городов", представленной за рубежом такими учёными,

как П. Лаведан и Р. Дикинсон, а у нас, например, Г. М. Лаппо, Ю. Л. Пивоваровым и Е. Н. Перциком, предпочитающим, правда, термин "геоурбанистика". Мне, разрабатывающему с 1980-х гг. научное направление, которое я уже тогда назвал "аксиологической географией" ("аксиогеографией") (а в последнее время, в соответствии с рекомендациями Э. А. Орловой, предполагающему постепенное перенесение акцента на более теоретическое и универсальное словосочетание "аксиологическая топология" ("аксиотопология")), это особенно близко. Очень близка идеям Гревса, например, "морфология городов" — изучение физической структуры города, способов группировки его улиц и зданий, а также процессов, которые привели к этой структуре. Современная урбанология (или урбанистика) является комплексной дисциплиной, широко привлекающей данные истории, географии, социологии, психологии, семиотики, искусствознания, имиджологии, экономики, краеведения, статистики, транспортной и строительной инженерии, климатологии, почвоведения и это, наверняка, ещё не всё. Одним из предшественников такой урбанологии (или урбанистики) был И. М. Гревс.

В 1935-1936 гг. И. М. Гревс завершил большую статью "Развитие форм поселений на европейском Западе в средние века". Три четверти статьи посвящены средневековому городу. Свою тему автор формулировал так: "История техники градообразования в трёх её главных фазах: выборе места, начертании плана и застройке". Работа выполнена в плане изучения "культурных ландшафтов" (сам И. М. Гревс, как я услышал на семинаре, от В. Ф. Козлова, предпочитал гораздо более тонкое и изящное словосочетание "городской пейзаж"), охарактеризованном выше, и представляет значительный интерес. Так, очень интересные выводы Гревса о двух типах городских планов в истории западноевропейского города: для римского города характерна "шахматная" система с улицами, пересекающимися под прямым углом, для феодального — радиально-концентрическая: от замка, монастыря или рыночной площади, образующих ядро города, улицы расходятся лучеобразно, соединяемые сетью переулков. В конце средних веков наблюдается возвращение к римской системе.

Кстати, И. М. Гревс в 1884 г. привлекался при СПб. жандармском управлении к дознанию по обвинению в принадлежности к так называемой "рабочей группе партии Народная воля". Он, (и многие его соратники и ученики) вообще были ренессансными личностями, совмещавшими в себе и учёных в разных областях науки, и просветителей, и активных политических и общественных деятелей. Обо всех из них можно сказать, что они были, в той или иной степени, участниками, современниками, очевидцами и жертвами политических, идеологических и революционных событий и их последствий.

Одним из современников (немного старших), соратников и коллег И. М. Гревса был Н. И. Кареев (1850-1931), который, как я прочитал в книге В. П. Золотарёва "Историческая концепция Н. И. Кареева", Л., Изд-во ЛГУ, 1988, цитируемой далее неоднократно (5), был не только историком Франции, русского и французского крестьянства, Великой французской буржуазной революции и французских буржуазных революций XIX века, но и представителем философии истории, одним из основателей знаменитой "Русской школы" ("Ecole russe"), которую высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс. Последний отмечал, что ей свойственны "и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории", что она "стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой". Я, признаться, не будучи историком, не знал (или не помнил?) об этой "Русской школе" историков (и социологов тоже!) практически ничего. Кроме того, как я прочитал там же, Ф. Энгельс защищал Н. И. Кареева от слишком ортодоксально-марксистской критики со стороны, даже не В. И. Ленина, которого сейчас принято обвинять в излишнем сектантстве, а ещё Г. В. Плеханова. В. И.

Ленин, кстати, хотя и критиковал Н. И. Кареева по идейным, методологическим вопросам (и в "Что делать?" даже назвал его "каким-то"), не игнорировал его как учёного и даже конспектировал одну из глав четвёртого тома его "Истории Западной Европы в новое время".

Н. И. Кареев был не только выдающимся историком и членом ЦК кадетской партии, но и крупным социологом, автором "Введения в изучение социологии" и "Историко-философских и социологических этюдов", а также интереснейших книг о политических учреждениях и городах-государствах древнего мира (именно в этом качестве я его и включал в библиографию своего курса "Социокультурные проблемы городов", который я читал в РГГУ в 1990-х гг.). Ему в советское время "простили" его кадетское прошлое, он умер своей смертью до начала "Большого террора" и был почти забыт у нас с начала 30-х до середины 50-х годов. Стоит вдуматься в значение того факта, что учёный, которого высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс и которого конспектировал В. И. Ленин, был при Сталине забыт, как будто бы его не было!

Уже выступив с сообщением на семинаре о наследии И. М. Гревса, я решил ликвидировать своё невежество в отношении "Русской школы" историков (и социологов), и прочитать в БСЭ о ней что-нибудь. Каково же было моё изумление, когда я обнаружил, что даже в третьей, "малиновой", БСЭ были русские степные борзые, но всё ещё не было "Русской школы" историков! А ведь в эту энциклопедию писали статьи и редактировали их люди, позиционировавшие себя в качестве патриотов и марксистов! Так у нас писали историю исторической науки уже в 1970-е гг. наши советские Дидро и Д'Аламберы! Впрочем, в первой "красной" советской энциклопедии эту "Русскую школу" хотя бы критиковали за "субъективизм" (в связи с критикой взглядов примыкавшего к ней сторонника "субъективного", или "субъективно-психологического" подхода к изучению истории и социологии Н. К. Михайловского, а он, в свою очередь, был последователем её основателя, одного из отцов русского народничества, крупнейшего народника-просветителя П. Л. Лаврова). А в дореволюционной Большой Энциклопедии под редакцией С. Н. Южакова, издававшейся в 1904-1905 гг., о ней тоже нет ни слова. И лишь в Google я нашёл статью того же В. П. Золотарёва о монографии С. Н. Погодина "Русская школа" историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., СПбГТУ, 1997 (6), в которой рассматривается наследие "добрых гигантов" (слова А. Матьеза) "Русской школы" — Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского и других её "работников". Говоря о примыкавших к субъективно-социологической "Русской школе" исследователях, необходимо упомянуть и о крупнейшем русском правовед, историке права и государственном деятеле С. А. Муромцеве. Кстати, касаясь освещения в справочных изданиях истории нашей науки, стоит отметить, что нет "Русской школы" и в изданной в 2006 году издательством "ТЕРРА" Большой Энциклопедии. Впору написать исследование, для которого я уже придумал почти детективное название: "В поисках Русской школы".

Между прочим, нежелание и неспособность нашей "научной номенклатуры" защищать "отечественного производителя" и в науке, защищать подлинные, а не мнимые "русские приоритеты", совсем не связанные с послевоенной официальной шумихой, послужившей поводом для шутки: "Россия — родина слонов", послужила причиной того, что сегодня приоритет российской науки и за рубежом порой бывает забыт. Наглядным примером этого является сравнительно недавний факт, связанный именно с наследием "Русской школы". Речь идёт о приоритете российской социологии в изучении психологии толпы. В 1882 году Н. К. Михайловский опубликовал прекрасно начатый, по мнению Н. И. Кареева, но оставшийся недописанным трактат "Герои и толпа", в котором эта проблематика была впервые в науке серьёзно исследована. Впоследствии это проблематика разрабатывалась им в книге "Ещё о толпе" (1893). В

приоритете Н. К. Михайловского не сомневался, например, тот же Н. И. Кареев (крупнейший, наряду с М. М. Ковалевским, российский дореволюционный социолог) в статье "Памяти Н. К. Михайловского как социолога", опубликованной в "Русском богатстве" в № 3 за 1904 год (7, с. 137-149) и переизданной в кн.: Н. И. Кареев. "Введение в изучение социологии. Избранные статьи по социологии", вышедшей под эгидой СПбГУ, Социологического общества им. М. М. Ковалевского и Международного института П. Сорокина и Н. Кондратьева в 2007 году, справедливо указывавший на то, что "простая хронологическая справка показывает, что Михайловский на целые восемь лет опередил книгу Тарда "Законы подражания". Кто будет теперь читать "Героев и толпу" Михайловского, должен иметь в виду, что этот трактат появился на свет в 1882 г., а книга Тарда — лишь в 1890 г." (8, с. 694-710).

И вот результат такой нашей "забывчивости за чужой (или, всё-таки, за наш собственный?) счёт". В книге, как, возможно, и справедливо указывается в русском предисловии к ней, "выдающегося современного психолога Франции, автора теории социальных представлений" С. Московичи "Век толп. Психология масс", М., Академический проект, 2011 (8), говорится: "Всем известно, что психология толпы была создана Ле Бонем". Да и у нас в Википедии написано, что Лебон (Ле Бон) — "бесспорный основатель социальной психологии". Между тем, его "Психология народов и масс" вышла в свет в 1895 году (ещё на пять лет позже, чем книга Тарда!). Но неужели наши, отечественные переводчики, комментаторы и издатели ничего не знают о приоритетах нашей, отечественной науки? Кто за нас будет и должен об этом заботиться?

Вторым современником и коллегой И. М. Гревса был А. К. Дживелегов (1875-1952), который был не только кавказоведом (он был армянских кровей), историком, искусствоведем, общественным деятелем (он, также как и Н. И. Кареев, был членом ЦК кадетской партии и крупнейшим специалистом в руководстве кадетской партии по муниципальной политике), но и автором книг о средневековых городах Западной Европы. Кстати, в 1906 г. и с весны 1917 г. до весны 1918 г. в качестве главного редактора редактировал периодическое издание "Город" (в состав редколлегии входили, в частности, биохимик, физиколог и будущий академик А. Н. Бах, один из основоположников коммунальной гигиены в СССР А. Н. Сысун и известный историк, краевед, знаток Москвы В. П. Сытин), закрытое уже большевиками и то не сразу. Между прочим, об этом издании я не нашёл упоминаний даже в Google. Воистину мы ленивы и не любопытны! Мне повезло: я узнал об этом от одной из моих научных наставниц, покойной Т. М. Говоренковой, о которой тоже далеко не все помнят в той степени, в какой надо было бы помнить. В БСЭ об А. К. Дживелегове сказано, если не ошибаюсь, лишь то, что он был советским литературоведом, театроведом, чл.-корресп. АН АрмССР. Я, как и большинство читателей БСЭ, привык считать его специалистом по культуре Возрождения в Италии, по творчеству Данте, Шекспира, Чосера, Рабле и по комедии дель арте. О его кадетском прошлом, которое ему "простили" как и Н. И. Карееву, разумеется, не сказано ничего, а о его муниципальной и политико-публицистической деятельности, как я уже сказал, и сейчас, к сожалению, почти никто не знает. Стоит, кстати, заметить, что, по словам Т. М. Говоренковой, когда она начала восстанавливать по библиотечным и архивным источникам труды и судьбы членов редколлегии упоминавшегося выше издания "Город", то о половине из них она не нашла сведений. Не осталось, по её словам, буквально ничего!

Следующим учеником и последователем И. М. Гревса должен быть назван, конечно, П. П. Муратов (1881-1950), знаменитый автор многократно переиздававшейся книги "Образы Италии", являвшейся, помимо прочего, и выдающимся художественным произведением. В этой книге были подытожены и нашлись суммарное выражение то самое "чувство Италии" и "гума-

нистическое течение в русской науке", у истоков которого, по словам самого П. П. Муратова, стоял именно И. М. Гревс. Как я понял, прочитав статью И. Г. Ивановой "П. П. Муратов и его вклад в развитие представлений о культурном ландшафте" в сб. "Наследие и современность" выпуск № 8, М., 1998 (10, с. 95-115), П. П. Муратов связывает гревсовскую традицию с "Миром искусств" и с ключевой, по словам С. С. Аверинцева, фигурой русского символизма Вяч. И. Ивановым. Кроме того, через П. П. Муратова гревсовская традиция связывается с наследием первого (за 100 лет до Фрейда) исследователя проблем бессознательной немецкого психолога И. Ф. Гербарта, а также с художественной культурой античности. И вряд ли случайно, что его судьба и судьба его книги складывалась также не безоблачно. П. П. Муратов был эмигрантом, и его книга долгое время тоже у нас не переиздавалась.

Самым известным учеником И. М. Гревса в обозначенном мной аспекте был Н. П. Анциферов (1889-1958), в работах которого отечественная урбанонология впервые прочно включила в круг своих интересов русские города и, прежде всего, Петербург. Самой, пожалуй, знаменитой книгой Н. П. Анциферова стала вышедшая в 1919 г. "Душа Петербурга". С точки зрения урбанонологии самой, пожалуй, выдающейся книгой Н. П. Анциферова была "Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного исследования", вышедшая в 1925 г. Название этой книги представляет собой до сих пор самую полную программу урбанонологических исследований для всех, кто работает в нашей (и не только нашей!) урбанонологии. В 1926-1927 гг. вышла 3-томная "Книга о городе" изданная Н. П. и Т. Н. Анциферовыми, представляющая до сих пор прекрасную урбанонологическую хрестоматию. Вряд ли надо вспоминать, что Н. П. Анциферов сидел в 1929-1933 гг. в СЛОНе (вместе с А. Ф. Лосевым!) и (вторично) в 1937-1939 гг. В 1939 г. он был освобожден по ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича и защитил в 1944 г. в ИМЛ кандидатскую диссертацию "Проблемы урбанизма в русской художественной литературе (Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций)".

И. М. Гревс имел отношение и к судьбе крупнейшего социолога XX века П. А. Сорокина (1889-1968), который начинал как этнограф коми (он был коми по матери и до 10-ти лет даже не говорил по-русски), потом стал любимым учеником и личным секретарём крупнейшего русского дореволюционного социолога и историка, входившего, как я выяснил, в "Русскую школу" историков, М. М. Ковалевского, дружившего с К. Марксом и Ф. Энгельсом, но не разделявшего марксистских взглядов. П. А. Сорокин был лидером правого крыла эсеровской партии, куда вступил, будучи учащимся, и дважды заключался царским правительством в тюрьмы за антимионархическое поведение. В 1917 г. П. А. Сорокин был личным секретарём А. Ф. Керенского и был избран членом Учредительного собрания. Став, после отмененных В. И. Лениным "ценных признаний" и сложения с себя полномочий члена Учредительного собрания, профессором Петроградского университета П. А. Сорокин внёс свой вклад в создание системы социологического образования. Её даже не после смерти И. В. Сталина, а после снятия Н. С. Хрущёва пришлось создавать заново Ю. А. Леваде, Б. А. Грушину, И. С. Кону и др. (судьбы которых также складывались далеко не безоблачно). В 1919 г. П. А. Сорокин стал первым деканом первого в нашей стране социологического факультета, созданного при Петроградском университете.

Не все знают, что в 1922 г. И. М. Гревс председательствовал на диспуте профессора П. А. Сорокина о его двухтомном труде "Система социологии", официальным оппонентом на котором был Н. И. Кареев. Ввиду отмены в то время докторских степеней и невозможности присуждения диспутанту учёную степень доктора, диспут закончился заявлением профессора И. М. Гревса о единогласном признании Историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной. Многочис-

ленная публика наградила диспутанта долго несмолкаемыми аплодисментами. Так что крупнейший социолог XX века не имел учёной степени, что, руководя социологическим факультетом в Гарварде (а с 1965 г. будучи президентом Американской социологической ассоциации) (а через его семинары прошла вся американская элита, включая Джона Кеннеди), он в анкетах скрывал, и получается, что с точки зрения главного в нашей науке "формального признака" он копошится у нынешних докторов и даже кандидатов наук под ногами!

Между прочим, П. А. Сорокин в своей книге "Система социологии" изложил интереснейшую с точки зрения семиотики теорию проводников социального взаимодействия, которая представляет несомненный интерес для семиотики города. Семиотика города присутствовала и в трудах И. М. Гревса и ряда его учеников, и, много позже, в трудах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и других участников московско-тартуской семиотической школы, судьбы которых также складывались у нас далеко не безоблачно. Кстати, именно под влиянием этой по существу семиотической сорокинской теории проводников социального взаимодействия, я прилагал эту теорию проводников к определению границ социально-психологического центра (СПЦ) Москвы.

Уже после публикации первой редакции этого текста в журнале "Муниципальная власть" в № 5, 2011 г., у меня появился печальный повод дополнить его кратким очерком, посвящённым Г. С. Кнабе (1920-2011). Г. С. Кнабе был одним из самых авторитетных у нас историков античности, специалистов по культуре (особенно городской культуре) античности вообще и древнего Рима, в частности, и одним из самых наших уважаемых культурологов, а также и исследователем семиотики культуры. Ещё, кажется, в начале 1980-х годов, я с большим интересом читал его статью в журнале "Декоративное искусство" о городской тесноте в древнем Риме, как об одном из важнейших атрибутов культуры античности. Позже об этом было написано в его книге "Древний Рим — история и повседневность". М., "Искусство", 1986 в главе: Городская теснота и архитектурная революция (11, с. 153-174).

Представляет также большой интерес рассмотрение Г. С. Кнабе в той же книге своеобразного культа воды, осмысление роли римских колодезь, и водораспределительных систем: водопроводов, акведуков и терм в культурологическом аспекте, как проявления специфических, освящённых римской религией антично-полисных представлений о праве римских граждан, в частности, на неограниченное потребление свободно текущей воды из общественных фонтанов в главе: Вода, община и боги (11, с. 30-84). Там, в частности, приводился и объяснялся поразивший меня факт, демонстрировавший отличие римской культуры от культуры других народов древности, средних веков и нового времени: "В начале XX века в Петербурге на каждого жителя приходилось 200 литров воды в сутки, в середине века в Нью-Йорке — 520, в конце империи на каждого римлянина — от 600 до 900" (11, с. 36).

Для меня наиболее важным и интересным было его исследование "арбатской цивилизации" и "арбатского мифа", ходившее с начала 1980-х годов в "самиздате", а позже излагавшееся им в докладах и публикациях. Он воодушевил меня на написание самой, пожалуй, литературно качественной моей статьи "Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м" в вышедшем в 1998 г. под его редакцией сборнике "Москва и "московский текст" русской культуры". М., РГГУ, 1998 (12, с. 198-225). Впоследствии, в "Известиях" была опубликована написанная на основе этой статьи моя более популярная статья "География престижа: диалектика неравенства. Расслоение столицы по классовому признаку началось ещё в СССР. Сегодня этот процесс идёт быстрее". — Известия, № 78 (26395), 6 мая 2003 г., вторник, (13, с. 10-11). В его собственной статье в этом сборнике "Арбатская цивилизация и арбатский миф" (13, с. 137-197) говорилось о том, что в песнях Булата Окуджавы предста-

ёт "Арбат в нераздельности вымысла, окрашенного реальностью, и реальности, окрашенной вымыслом". Г. С. Кнабе цитировал слова Окуджавы: "Мы начали прогулку с арбатского двора, // К нему-то всё, как видно, и вернётся" и "Арбатство, растворённое в крови, неистребимо, как сама природа...", и заключал: "Истребимо. Не вернулось и не вернётся". И далее: "Уничтожаемые советским режимом, истончаясь и уходя из жизни, объективная возможность интеллигентского мировосприятия, его этика и его ценности продолжали жить вплоть до середины 80-х годов, когда оказались полностью исчерпанными в реальности нового типа. Предпосылки её складывались исподволь, но окончательную санкцию она получила в преобразованиях и потрясениях конца века. Какое уж тут содружество, какой интеллигентский кодекс, какое "возьмёмся за руки"...". Эти горькие мысли повторялись Г. С. Кнабе не раз, и в переизданиях этого текста, и, в более общей форме, вне его. Наиболее завершённую форму они приобрели, как я понимаю, в его последнем и уже посмертно вышедшем труде "Европа с римским наследием и без него", СПб, Нестор-История, 2011 (14). Там, в частности, говорится об утрате многими современными европейцами европейского патриотизма и своей, восходившей к античному наследию, европейской духовной специфики (*esprit europeen*).

История жестоко "проехала" по его семье. Как я узнал уже на его панихиде, оба его родителя были репрессированы. Может быть, этим объясняется тот факт, что он, охотно высказываясь на научные, особенно культурологические, темы, очень не любил говорить о текущей политике (я, кстати, замечал это и сам) и, в особенности, о самом себе. С этим, может быть, было связано и то, что, как рассказал на его панихиде Л. М. Баткин, он был очень закрытым человеком, и Л. М. Баткин, знавший его много лет, только после его смерти узнал, что Г. С. Кнабе был католиком. Из этой установки вытекал, видимо, и озвученный тем же Л. М. Баткиным любимый его афоризм: "надо жить мимо". Если воспользоваться предложенным Ж. Гурвичем и развитым Ф. Броделем разделением времени на краткое время — событиями текущей политики, время средней длительности — конъюнктуры, циклы, измеряемые десятилетиями, и время большой длительности (*longue duree*) — географические, материальные и ментальные структуры, "квазинеподвижное", в котором перемены не ощущаются (15), то можно сказать что Г. С. Кнабе наиболее психологически комфортно чувствовал себя именно в "*longue duree*", а текущую политику, судя по всему, считал, в значительной степени, пустой суетой.

И последней личностью, которая, по моему глубокому убеждению, должна быть упомянута в этом перечне, является одна из моих (и не только моих!) научных наставниц, покойная Т. М. Говоренкова (1937-2003), от которой я узнал многое и об А. К. Джигелегове и его "Городе", и о журнале "Городское дело", и о том, что в 1910 г. на международной муниципальной выставке в Риме, Москва получила золотую медаль как самый благоустроенный город мира, и о том, что словосочетание "социальная защита" в 20-30-х гг. фигурировало в контексте: "Приговорить к высшей мере социальной защиты — расстрелу", и о том, что советское градостроительство было неразрывно связано с централизованным планированием, и о том, что Москву в советские времена (со времён "великого перелома") нарезали клиньями, как торт, потому, что город нарезался не под райсоветы, а под райкомы (чтобы в каждом административном районе было примерно равное число членов партии, которых в центре было больше, чем на окраинах), и о многом, многом другом.

Она была ученицей и биографом одного из последних наших гражданских инженеров А. М. Якшина (защищавшего Зимний дворец в ночь октябрьского переворота). Именно работа над биографией своего учителя побудила её заняться историей исчезнувшей профессии гражданских инженеров. Она была пропагандистской идеей крупнейшего специалиста по местному самоуправлению в России, основателя в 1909 г. и редакто-

ра-издателя журналов "Городское дело" и "Земское дело", а также газеты "Русская молва", автора вышедшей в 1928 г. классической работы "Основы городского хозяйства" Л. А. Велихова (1875-1942), члена кадетской фракции Государственной думы и "думского масона", соавтора законопроектов "Основные положения закона о печати", "О свободе совести", "О союзах", "О неприкосновенности личности", "О введении всеобщего обучения", "Об изменении положения о выборах в Государственную думу", участника Белого движения, работавшего в Политическом совещании при А. И. Деникине. После Гражданской войны преподававшего в вузах Новочеркасска и Ростова-на-Дону и часто выступавшего с лекциями в рабочих центрах Донбасса, фундаментальные исследования которого "Опыт муниципальной программы" и "Основы городского хозяйства", были переведены на французский и английский языки и высоко оценивались как в советской, так и в зарубежной прессе. Я полагал, что следы его в 1940-м г. затерялись в сталинских лагерях, но совсем недавно узнал от председателя Исследовательского комитета российского общества социологов (ИК РОС) "Социология городского и регионального развития" Е. М. Акимкина, что Л. А. Велихов умер в 1942 г. в Березняковском исправительно-трудовом лагере. Его персоналия, конечно, тоже достойна отдельного изложения, но её лучше будет излагать в соавторстве с учениками А. М. Якшина и Т. М. Говоренковой.

Кстати, сама Т. М. Говоренкова, по её словам, ознакомилась с книгой "Основы городского хозяйства" в 1983 г., когда после смерти своего учителя А. М. Якшина (ученика главного инженера Московской городской управы С. С. Шестакова) обнаружила в его квартире, за порванными обоями, что стена оклеена... работой профессора Велихова, дотоле ей неизвестной. Ведь автор был репрессирован в 30-е гг., поэтому его труды в "Ленинке" ни под каким видом не выдавались. К счастью, тогда же текст удалось восстановить. Впрочем, в вышедшем в 1928 г. т. 9 "красной" БСЭ небольшая статья о Л. А. Велихове есть, а в вышедшем в 1930 г. т. 18 в статье "Город" толщиной почти в палец, о чём сегодня можно только мечтать, книги Л. А. Велихова в библиографии фигурируют.

Будучи кандидатом технических наук и так и не став доктором, Т. М. Говоренкова неизменно и заслуженно упоминается как "бабушка российского самоуправления". Она много лет рисовала (и не только собой!) сохраняя у себя дома книги запрещённых авторов — гражданских инженеров. Она дважды работала в ЦНИИП градостроительства, но дважды была вынуждена уходить оттуда. Она много лет практически руководила факультетом переподготовки кадров в МАРХИ, но её фактически выгнали оттуда и сейчас её, похоже, там почти никто не помнит. Между прочим, на этом факультете в 1980-м году проходила переподготовку и работающая в Институте Наследия И. Г. Иванова, на статью которой о П. П. Муратове в нашем институтском сборнике я ссылался выше.

В начале 1980-х гг. она впервые в моей жизни пригласила меня (даже не кандидата!) преподавать на факультете переподготовки МАРХИ, и с тех пор меня туда (и вообще в МАРХИ) ни разу преподавать не приглашали. Между прочим, по её предложению я начал по примеру Кевина Линча проводить опросы учащейся молодёжи по аудиториям, на которых, в основном, базируются мои таблицы и карты сравнительной эстетической привлекательности (или непривлекательности) зданий, сооружений, архитектурных ансамблей, городских районов, городов, регионов и стран мира. Кроме того, именно там, опять-таки по примеру Кевина Линча, я смог едва ли не первым в нашей стране получить выполненные слушателями по моему предложению около сотни мысленных карт Москвы (*mental maps*), которые после меня у нас получали и публиковали другие авторы. А мои карты пока так и остаются необработанными и неопубликованными по причинам, мало зависящим от моей воли. В 1990-м г. я видел Т. М. Говоренкову по телевизору за большим столом вместе с Б. Н. Ельциным, который в 1989 году возглавил

комитет Верховного Совета СССР по градостроительству и архитектуре. Она была одной из вдохновительниц и членов редколлегии журнала "Муниципальная власть". Она умела не только информативно и умно, но и очень ярко и художественно писать, а её устные выступления люди слушали часами не уставая. Записи её лекций расходились по всей стране, её мысли цитировали и цитируют многие "привластные" люди, забывая упоминать её фамилию, а сейчас, кстати, нет даже Говоренковских чтений.

И по её семье также "проехалась" наша история — она была внучкой несостоявшегося священника, ставшего революционером-большевиком и дочерью "врага народа", несмотря на это, напомнившей нам всем в годы перестройки в своей эпатазирующей названной статье: "Когда будет реабилитирован НКВД?", помещённой в журнале "Столица", что когда-то НКВД (как и министерства внутренних дел во многих странах), было не только карательной, но и важнейшей административно-созидательной структурой, выпускавшей, в частности, географические карты. Кстати, когда я уже писал этот текст, от её ученика А. И. Жукова узнал, что у Т. М. Говоренковой (которая уделяла большое внимание восстановлению имён, биографий и текстов муниципальных и градоведческих деятелей прошлого) была статья о И. М. Гревсе, которую было бы неплохо прочесть и использовать для продолжения исследований градоведческой традиции М. И. Гревса в отечественной науке.

Биографии нескольких прямых и косвенных учителей, а также отца Т. М. Говоренковой лишней раз дают повод вспомнить слова А. Т. Твардовского из его не опубликованной при жизни поэмы "По праву памяти" (цитирую по "самиздатовской" или, скорее всего, "тамиздатовской" версии своей молодости и по памяти текст, не совпадающий с найденной мной в Google "канонической" версией):

Зато уж вот где без изъятъя
Все были истинно равны.
Все люди — лагерные братья,
Клеймом измены клеймены.
И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака и сын наркома,
Сын командарма и попа...

Думается, что всё уже изложенное должно укрепить у нас всех понимание того, на плечах каких научных гигантов, идейных и политических борцов и мучеников (а не только научно-номенклатурных чиновников!) мы все стоим, и к какому уровню научного качества (и количества, кстати, тоже!) это нас обязывает.

Литература

1. Вешнинский Ю. Развитие градоведческой традиции И. М. Гревса в отечественной науке. — Муниципальная власть, № 5, (сентябрь-октябрь) 2011.
2. Вешнинский Ю. Иван Гревс и градоведческая традиция. "Знание-Сила". Сайт, 2012.
3. Вешнинский Ю. Г. Опыт преподавания в РГГУ спецкурса "Социокультурные проблемы городов". — В кн.: Преподавание краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях. Сб. М., АНО Издательский центр "Москвоведение", 2002.
4. Каганович Б. С. И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры. — В кн.: "Городская культура. Средневековье и начало Нового времени". Под ред. чл.-кор. АН СССР В. И. Рутенбурга, М., Изд-во "НАУКА", Ленинградское отделение, 1988.
5. Золотарёв В. П. "Историческая концепция Н. И. Кареева", Л., Изд-во ЛГУ, 1988.
6. Погодин С. Н. "Русская школа" историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., СПбГТУ, 1997.
7. Кареев Н. И. Памяти Н. К. Михайловского как социолога. — В кн.: Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Избранные статьи по социологии. СПб., Изд-во РХГА, 2007.
8. Московичи С. Век толп. Психология масс, М., Академический проект, 2011.
9. Иванова И. Г. П. П. Муратов и его вклад в развитие представлений о культурном ландшафте. — В кн.: "Наследие и современность" выпуск № 8, М., 1998.
10. Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. Очерки. М., "Искусство", 1986.
11. Вешнинский Ю. Г. Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м. — В кн.: "Москва и "московский текст" русской культуры". Сб. ст. / Отв. ред. Г. С. Кнабе. М., РГГУ. 1998.
12. Вешнинский Ю. География престижа: диалектика неравенства. Расслоение столицы по классовому признаку началось ещё в СССР. Сегодня этот процесс идёт быстрее. — Известия, № 78 (26395), 6 мая 2003.
13. Кнабе Г. С. Арбатская цивилизация и арбатский миф. — В кн.: "Москва и "московский текст" русской культуры". Сб. ст. / Отв. ред. Г. С. Кнабе. М., РГГУ. 1998.
14. Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него", СПб, Нестор-История, 2011.
15. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée. — Annales E. S. C., 1958.